

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. В детской

Папаша с мамашей и все братья и сёстры уехали в театр; дома остались Аня да её крёстный.

– Мы тоже устроим себе театр! – сказал он. – Сейчас же начнём представление.

– Да, ведь, у нас нет театра! – возразила Аня. – Нет и актёров! Моя старая кукла не годится, она стала такая гадкая, а новую нельзя взять, – платьице изомнёшь!

– Актёры найдутся, если только не брезговать тем, что есть под рукой! – сказал крёстный. – Ну, построим сначала театр. Вот сюда одну книжку, сюда другую, сюда третью; все три поставим вкось. Теперь по другую сторону ещё три; вот и кулисы готовы. А этот старый ящик будет заднею стеною, – мы повернём его сюда дном. Сцена, как всякий видит, представляет комнату. Теперь дело за актёрами! Посмотрим-ка, не найдётся ли чего подходящего в ящике с игрушками. Сначала надо отыскать действующих лиц, а потом уж сочинять пьесу; одно ведёт за собою другое и выходит чудесно! Вот трубка от чубука, а вот перчатка без пары; пусть это будет папаша и дочка!

– Так это всего только два лица! – сказала Аня. – Вон лежит старый мундирчик брата. Нельзя ли и его взять в актёры?

– Отчего же нет? Ростом-то он для этого вышел. Он будет у нас

женихом. В карманах у него пусто, – вот уж и интересная завязка: тут пахнет несчастною любовью!.. А вот ещё орешный щелкун – сапог со шпорою! Топ, топ! То-то лихой мазурист! Он топает и прищёлкивает! Он будет у нас немым женихом. Ну, какую же пьесу ты хочешь? Драму или комедию из семейного быта? – Комедию! – сказала Аня. – Все так любят комедии. А ты знаешь какую-нибудь?

– Целую сотню! – ответил крестный. – Самый большой успех имеют французские, но они неподходящи для девочек. Мы возьмём лучше какую-нибудь из своих; они все, ведь, на один лад. Ну, я встряхиваю мешок! «Ку-ка-ре-ку! Обновись!» Вот теперь все комедии обновились! Слушай же афишу. – И крестный взял газету и стал читать, как будто по афише:

«Трубка и умный малый».

Комедия в одном действии.

Действующие лица:

□Господин Трубка – отец.

□Госпожа Перчатка – дочь.

□Господин Мундир – милый.

□Фон-Сапог – немилый.

– Теперь начнём! Занавес поднят, – у нас его нет, ну, значит, он поднят. Все лица налицо. Я поведу речь за папашу. Он сегодня сердит, – видишь, потемнел весь от куренья!

«Вздор, вздор, ерунда! Я хозяин в доме! Я отец своей дочери! Извольте слушаться меня! Фон-Сапог такая персона, что хоть глядись в него, как в зеркало! Он из сафьяна, да ещё со шпорою! Тринь-бринь! Тринь-бринь! Он и женится на моей дочери!»

– Теперь следи за мундиром, Аня! – продолжал крестный. – Теперь он начнёт. Он носит отложной воротничок, очень скромн, но сознаёт собственное достоинство и имеет право говорить так: «На мне нет ни одного пятна! Добрые качества тоже надо принимать в расчёт. А я, ведь, из самой добротной материи, да ещё с галунами!»

«Ну, они только до свадьбы и продержатся! В стирке полиняют!»

– Это говорит опять господин Трубка. – «Фон-Сапог, тот непромокаем, из крепкой и в то же время тонкой кожи, может скрипеть, щёлкать шпорою, и похож на Италию!»

– Но они должны говорить стихами! – заметила Аня. – Говорят, это выходит так красиво!

– Можно и так! – ответил крёстный. – Захочет публика, актёры заговорят и стихами. Ну, гляди же на барышню-Перчатку; гляди, как она ломает пальчики:

«Лучше век мне быть без пары,
Только бы избежать кары –
Жизнь с постылым проводить!
Мне того не пережить!
□Ох, ох, ох,
Лопну, лопну, вот вам Бог!»

«Вздор!» – Это уж отвечает папаша-Трубка. А вот теперь говорит господин Мундир:

«Перчатка-душа,
Ты так хороша!
Ты мне суждена,
Моей быть должна!»

– Тут Фон-Сапог шаркает, топает, щёлкает шпорою и опрокидывает три кулисы разом.

– Чудо, как хорошо! – воскликнула Аня.

– Тс! – сказал крёстный. – Молчаливое одобрение говорит о высокой степени воспитанности зрителей первых рядов. Теперь барышня-Перчатка поёт свою большую арию с руладами:

«Я так убита,
Так сердита,
Что вам клянусь,
Я разреву-у-усь!..»

– Теперь самый интересный момент, Аня! Видишь, господин Мундир расстёгивается и обращает свою речь прямо к тебе, чтобы ты

похлопала ему! Но ты не хлопай! Так бонтоннее^[1]! Послушай, как он шуршит: «Чаша терпения моего переполнилась! Берегитесь! Я подведу интригу! Вы – Трубка, а я – малый с головой! Фьють! и – нет вас!» – Гляди, Аня! Это самая интересная сцена во всей комедии! Мундир схватывает Трубку и засовывает к себе в карман, – лежи тут! – а затем говорит: «Вы теперь у меня в кармане и не выйдете оттуда, пока не обещаете соединить меня узами брака с вашей дочерью, Перчаткой с левой руки! Я протяну ей свою правую.»

– Ужасно хорошо! – опять воскликнула Аня.

– А старая Трубка отвечает:

«Что делать мне?
Горю, как в огне!
Ах, где ж мой чубук?
Ведь, я – как без рук!
О, сжальтесь, простите,
Меня отпустите!
Я дочь вам отдам,
Венчаю вас сам!»

– И конец? – спросила Аня.

– Что ты! – ответил крёстный. – Конец только для Фон-Сапога. Жених и невеста опускаются на колени; первая поёт:

«Отец, оживаю!»

Второй:

«Я вас отпускаю!»

Господин Трубка благословляет их, а вся мебель поёт хором:

«То-то любящий отец!
Он повёл их под венец!
Тут и пьесе всей конец!»

– Вот теперь похлопаем! – прибавил крёстный. – И вызовем их всех, вместе с мебелью; она, ведь, из красного дерева!

– А что, наша комедия так же хороша, как та, что идёт в настоящем театре? – спросила Аня.
– Она ещё лучше! – ответил крёстный. – Она короче, даром доставлена нам прямо на дом, и помогла скоротать время до чаю!

^[1]Бонтон – устар. хороший тон.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...